

С.Ю. Жолков

Социально-политическая философия М.М. Сперанского в поисках смысла политического бытия

Рассматривается проект государственных реформ М.М. Сперанского (1808—1809) в контексте попыток Александра I решить одну из важнейших проблем России XIX в. — проблему реформирования государственного устройства и управления. Доказывается, что различные труды Сперанского содержат фрагменты стройной социально-политической философии, весьма современной и актуальной.

Ключевые слова: политическая история России XIX в., проект государственных реформ М.М. Сперанского, объективные законы развития, законы, механизмы и движущие силы политического бытия, социально-политическая философия М.М. Сперанского.

Политическая история России первой половины XIX в. занимает особое место в определении ее судьбы. *Существовала ли в годы правления Александра I реальная альтернатива тому пути, по которому пошло историческое развитие России? Насколько реальны были в России начала XIX в. введение конституции и освобождение крестьян?* Ответы на эти принципиальные вопросы, сформулированные уже на 4-й странице Введения известного аналитического исследования С.В. МIRONЕНКО [1], тесным образом связаны не только с государственной деятельностью М.М. Сперанского, но и с его стройной теорией политического бытия, которую, безусловно, можно квалифицировать как социально-политическую философию.

По справедливости, известную оценку Сперанского как «совершенно исключительного явления в нашей высшей администрации первой половины XIX в.» (С.М. Середонин) следует пополнить: он был также и совершенно исключительным явлением социальной и политической мысли XIX в. Но поскольку он не собрал свои мысли в едином философском труде, снабженном к тому же величественным именованием, то и не рассматривался в качестве социально-политического философа. И все же странно,

что в многочисленных трудах, посвященных философии истории и социологическим доктринам, можно увидеть описания самых разнообразных социо-политических фантазий, однако тщетно искать в них изложения мыслей Сперанского.

Пролог

Проблема государственного устройства и управления — одна из важнейших и острейших проблем России XIX в. К несчастью, начатые еще мудрой попыткой Екатерины II выслушать «наказы» сословий и отдельных подданных в рамках Законодательной Комиссии (1767 г.) и с ее помощью найти государственные механизмы решения насущных проблем, поиски эффективных форм управления выявили не только глубокие противоречия, но и неготовность зарождавшегося общества к изменению самодержавной формы правления. Все искренние попытки императрицы развить доктрину русского самодержавия, сгладить сословные противоречия и найти взаимопонимание в обществе [2, с. 110—112] не дали результата (хотя «Учреждение о губерниях» 1775 г. даровало дворянству элементы сословного самоуправления и привело к образованию дворянских кружков, общественных организаций и салонов, а Дворянские собрания «внесли заметные изменения в жизнь прежде всего провинциального общества» [2, с. 87], так же, как «Грамота на права и выгоды городов Российской империи» от 21 апреля 1785 г. предоставила право горожанам создать городское общество). Даже по важнейшей проблеме страны — крестьянской Екатерина II занимала более прогрессивные (и дальновидные) позиции, чем дворянство: если дворянство в целом было последовательно крепостническим, то в литературном наследии и переписке императрицы можно найти прямые высказывания и планы в пользу освобождения крестьян [2, с. 112].

Пагубные последствия отсутствия дееспособного и обязательного для исполнения законодательства как необходимого условия и личной безопасности, и порядка в государстве, и эффективного управления, принципиального понимания самодержавия как самовластия, произвола, изначально стоящего над всеми возможными законами, вероятно, стали особенно явными для высших лиц государства в соединении с неуравновешенностью и непредсказуемостью императора Павла [2, с. 119—120].

В манифесте 12 марта 1801 г. (на следующий день после переворота, возведшего его на престол) Александр I прямо называет «произвол нашего времени» главным недостатком государственного устройства Российской империи. Оценивая наличествующее к 1802 г. законодательство, М. М. Сперанский, компетентность которого несомненна, пишет [3, с. 19, 24]: «вы знаете, сколь законы наши недостаточны, сколь часто они противоречат себе и здравому смыслу... в бездне наших указов есть множество статей, кои или вовсе не определены, или... темны и противоречащи». Но главное, по его мнению, — нет первоначала «государственного учреждения»,

содержащего общие, «коренные» законы, — конституции [3, с. 21, 31]. И по мнению В.О. Ключевского, к началу XIX в. в России почти еще не было фундаментальных законов [4, с. 194], но в первую очередь не было их концептуальной основы — конституции в целом.

Государственные учреждения, возникавшие и трансформировавшиеся в течение длительного времени без стройного плана, не имели постоянной и ясно определенной «сферы деятельности и четких пределов своей компетенции» [1, с. 24]; «образ нашего правления, — пишет Сперанский [3, с. 56], — не имеет никакого определенного вида и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как и возникали». «В настоящем порядке вещей, — резюмирует он, — мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического управления» [3, с. 119], и далее перечисляет целый ряд проблем, требующих решения.

Созданный в июне 1801 г. Негласный комитет свою задачу подготовить «реформу бесформенного здания государственного управления» [1, с. 67] не выполнил. С.В. МIRONENKO возлагает ответственность за это в первую очередь на Александра I и ставит ему в вину «неопределенность воззрений» и отсутствие «сколько-нибудь осмысленной программы преобразований» [1, с. 67].

Реформа 1802 г., преобразовавшая коллегии в министерства и положившая начало реформам государственного управления, была неудачной. Новая конструкция государственной администрации оказалась весьма несовершенной; неопытность и поспешность «молодых советников» Александра I названы в [1, с. 28] причиной неудачи.

Непоследовательность и нетерпеливость — ожидание скорых успехов считает М.М. Сперанский первопричиной многих неудачных попыток государственных преобразований (анализируя проблемы создания эффективного законодательства и переустройства государства в целом, а не только административную реформу) [3, с. 17—19]. В этой же записке от 1802 г. он называет вторую (не только важную, но актуальную и поныне, на мой взгляд) причину — непрофессионализм [3, с. 26].

«Мне всегда казалось странным, что в частях простых и малозначящих требуют с большею точностью совершенства, нежели в науке законодательства. Целую жизнь посвящают, чтоб познать историю насекомых или исчислить все роды бабочек, а составление Уложения вверяют у нас первому, кто обнаружит некоторое сведение в указах или покажет некоторые таланты, как будто законоведение не составляет само собой особой и обширной науки, как будто можно в сей науке всякому быть глубоким, кто захочет, и как будто она не есть одна из труднейших частей истинной философии. В России и теперь на сцене есть, конечно, люди с обширными познаниями; но, *первое*, их познания суть больше произведение опыта, нежели систематического размышления; *второе*, их лета и состояние,

а особенно предрассудки класса, к которому они принадлежат и коего духом они напоены, делают их неспособными к непосредственной работе. Они с великою пользою употреблены в ней быть могут как критики, но не как сочинители».

А далее следует остроумное конструктивное предложение:

«Сочинение вообще требует известного огня в разуме, умеряемого опытом и размышлением. Я бы желал, чтоб все сочинители были молодые люди, отвязанные от предрассудков, исполненные великих и даже смелых мыслей и теплоты душевной, а критики были бы старики холодные, строгие, медленные и даже угрюмые».

В разделе «Порядок исполнительный» [3, с. 201] «Введения к Уложению государственных законов» Сперанский указывает источники министерских «несовершенств» образца 1802 г.: 1) недостаток ответственности; 2) неточность и несоразмерность в разделении дел; 3) недостаток точных правил или учреждения, на коем должно действовать министерство. И далее указывает «самые простые и удобные способы исправления».

В 1806 г., когда состоялось личное знакомство Александра I со Сперанским, посланным к императору для доклада министром внутренних дел В.П. Кочубеем, Михаилу Михайловичу было 34 года, на 5 лет больше, чем монарху.

Современные исследователи не сомневаются в искренности намерения Александра I в начале правления ликвидировать крепостное право и ввести конституцию, о чем, будучи еще цесаревичем, он писал в известном письме Лагарпу от 27 сентября 1797 г. [5, с. 125—26, 140], называя конституцию необходимым условием блага России. Но как реализовать эти воистину революционные замыслы, еще и при том, что даже мудрая Екатерина II потерпела полную неудачу в подобных начинаниях? И вот к отягощенному грузом нерешенных проблем, первых неудач и военных поражений императору, окруженному молодыми друзьями и советниками, которые говорят много лучше, чем делают, притом каждый говорит свое, в 1806 г. является для доклада действительный статский советник и статс-секретарь Министерства внутренних дел, который знает, что делать и как, а главное, на каких принципах. Но самое удивительное, по его словам, оказывается, что идеалы и внутренние убеждения императора соответствуют разумному прагматичному устройству страны: это лишь на первый взгляд самодержавное правление, при котором «государь соединяет в особе своей все роды сил» логично и просто в реализации [3, с. 116]. На самом деле на государя ложится невыносимая нагрузка по разрешению многочисленных проблем. Главная — и консолидация, и одновременно разделение трех принципиально различного качества ветвей государственного устройства (законодательной, исполнительной, судебной), а также трех форм государственного установления («государственных мест») — Совета, Сената, Комитета и министров, которые ни прав, ни сил, свойственных «государствен-

ным установлениям» по отношению к первоначалу власти — самодержцу, не имеют. Функции их смешаны — «ни одно из них телом политическим, а тем менее законодательным признано быть не может». Связи недостаточны. К тому же их внутренняя структура неопределенна и противоречива. «По недостатку связи их между собою, по неточному разграничению их предметов, по разнообразности и несовершенству их форм в существенном отправлении дел великие представляют неудобства. Неудобства сии умножаются, когда установления сии рассматриваются в отношениях их к местам губернским» [3, с. 117—19]. В результате, по мнению Сперанского, «в настоящем порядке вещей мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического правления» [3, с. 119].

Вдобавок уже в 1802 г. М.М. Сперанский пришел к заключению, что при самовластном правлении «пользы дворян основаны на рабстве земледельцев» (его обосн. [3, с. 42—45]) и при сем положении разрушительное противостояние между крестьянами и помещиками, истощающее силы страны, неустранимо. (В комментариях к «Введению к Уложению» он развивает эту идею: развитие промышленности и коммерции невозможно без просвещения и наук, при этом «нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться» [3, с. 156]).

Все это означало, что задуманная императором реформа — веление не только человеколюбия и свободолюбивых принципов нового монарха, но и коренных государственных интересов. И соответственно, желанные цели — не только этические или философские императивы, но и требования прагматики — эффективного государственного управления. Можно представить, каково было услышать или прочесть подобное молодому императору.

После серии военных поражений и Тильзитского мира положение императора стало сложным. Привлечение М.М. Сперанского, таланты которого получили всеобщее признание (даже Наполеона, который беседовал с ним в ходе Эрфуртской встречи французского и русского императоров), к решению важнейших государственных проблем понятно и разумно. В конце 1808 г. Александр I поручает ему «составить план государственного переустройства» и обсуждает «дела высшего государственного управления», как писал впоследствии Сперанский, «нередко удостоивая провожать со мною целые вечера в чтении разных сочинений к сему относящихся» [1, с. 29].

О жизни и деятельности М.М. Сперанского обстоятельно пишет С.М. Середонин [6].

Проект М.М. Сперанского и его истоки

Проект государственных реформ был разработан М.М. Сперанским в 1808—1809 гг. и, как известно, получил название «Введение к Уложению государственных законов» [3, с. 143—221].

В сохранившемся, к счастью, видимо, в полном объеме проекте Сперанского поражает многое, прежде всего «естественнонаучный» подход:

обсуждавшаяся им с императором политическая реформа исследуется как объективная проблема и решается как системная задача.

Глубину понимания Сперанским исторического процесса раскрывает глава «О разуме государственного уложения», в которой он, исследуя исторические процессы (преимущественно европейские), приходит к выводу о безусловном наличии в них закономерностей, противостоять которым невозможно. «Сколько бедствий, сколько пролития крови можно бы было упредить, — пишет он, — если бы правители держав, точнее наблюдая движения общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа» [3, с. 156]. Ход событий в исторической перспективе, по его мнению, определяется объективными законами (подобно процессам естественных наук), политическое обновление заложено в самом «времени», т.е. в объективном историческом развитии и «никакое правительство, с духом времени не сообразное против всемогущего его действия устоять не может» [3, с. 153—54]. Эта мысль повторяется не раз и в его ранних трудах.

Анализируя принципы, которые должны быть заложены в государственное устройство, он пишет ясно и недвусмысленно: «То, что называется государственным законом или конституцией, не есть закон писанный, но закон вещественный, не на бумаге, но в действии самом существующий. Он не столько состоит в установлениях государства, сколько в вещественном разделении сил его на все состояния... это есть физическое сложение, темперамент политического тела» [3, с. 114].

В своем анализе он указывает на несомненную общность исторических путей России и Европы, в силу чего вполне логичными выглядят его предложения: разделение властей на законодательную, судебную и исполнительную, разграничение сфер деятельности государственных институтов, введение гражданских и политических прав (в разной степени) для всего населения, принцип ответственности исполнительной власти... Кроме очевидных целей, Сперанский, тогда еще не утративший иллюзий, ставит задачу убедить ведущих политиков тогдашней России в обоснованности и необходимости предложенных мер.

Сии установления родились не вдруг и являются образом размышлений, а не пророчеств, их надлежит рассматривать в неразрывной связи с предыдущими сочинениями Сперанского. В своих размышлениях он исследует не только практику (исторический опыт), но и теоретические труды современных ему социологов: Монтескьё (которого именует Монтеский) и Бентама а также ставшие афоризмами высказывания Горация и Бэкона. На первый взгляд может показаться странным отсутствие ссылок на Джона Локка, наиболее значительного к тому времени политолога и социолога, но приглядевшись внимательно, можно заметить, что все цитаты английских авторов (Бентам, Бэкон, Блэкстоун) приводятся на французском, и предположить, что в распоряжении Сперанского не было перево-

дов трудов Локка ни на французский, ни на русский. Так что мысли Локка он знал, вероятно, лишь через посредство Монтескьё.

Его взгляды на внутреннюю политику как на баланс сил изложены в записке 1802 г. «О коренных законах государства»: «Сила ограничивается силою, и не можно себе представить без смешения всех естественных понятий, чтоб когда-нибудь установления воли могли быть пределами сил» [3, с. 34]. Важнейшим он считает баланс (политический) сил народа и правительства. «Каждое государство, — пишет он [3, с. 35], — имеет в известную данную эпоху точное и определенное количество сил; познать сии количества и по мере их располагать их употребление, в сем состоит политика». (Интересно, что его представления о политике аналогичны взглядам Бисмарка, видевшего внешнюю политику как баланс интересов посредством баланса политических сил в процессе постоянных и неизбежных столкновений государств в «тесном мире» межгосударственных отношений; консолидированная сила государства, военная, экономическая, внутриполитическая — вот, по мнению Бисмарка, единственное реальное средство достижения внешнеполитических целей [7.1, с. 98—99, 225, 229]).

Силы, определяющие, по его мнению, социальное установление и государственное управление, не рассматриваются им концентрированно, но рассредоточено и в разных трудах. В указанной записке он слагает силы государства из трех составляющих: индивидуальных — каждого гражданина («силы физические»); экономических — национального богатства («произведения народного труда»); общественного мнения («народного уважения») [3, с. 29] — во «Введении к Уложению» Сперанский называет его «властью моральной» [3, с. 162].

Понимание им реальной значимости общественного мнения и глубоко, и в высшей степени прагматично: не принимаемые разумом законы сколь бы хороши ни были, исполняться не будут и обратятся в «пустые теории», что и происходит в действительности.

«Какая мера правительства не подвержена ныне осуждению? Какое благотворное движение не искажено и не перетолковано? Дух партий и злонамеренность, без сомнения, имеют в сем участие, но дух партий не имел бы столько силы, если бы общий разум не расположен был к его впечатлениям. С горестью, но с достоверностью можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия. Тщетно ищут изъяснить сие из личных свойств министров. Сравнивая одни пороки с другими, перевес, без сомнения, будет на временах протекших. Одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления» [3, с. 162—63].

Государственное установление М.М. Сперанский слагает из 5 главных частей: полиции, суда, армии, экономики («государственного хозяйства»),

внешних сношений (рассматривая внутривнутриполитический баланс в неразрывной связи с межгосударственным) [3, с. 88].

«Отношения частных лиц к государству» регулируются во «Введении к Уложению» «законами государственными»; «отношения лиц между ими» — «законами гражданскими» [3, с. 144]. Предметом первых являются политические права подданных, вторых — гражданские. Чтобы привести их в действие, «надлежало их соединить и привести к равновесию». Изложены основы и состав государственных законов [3, с. 146 и далее].

Другой баланс сил — гражданский. Это баланс сил классов и сословий. По совершенно справедливому мнению Сперанского, государство истощается насильственной борьбой сословий [3, с. 36, 45, 65]. Вдобавок «раздробление по промыслам и исключительным правам убийственно для свободы» и составляет естественный фундамент для деспотии [3, с. 36]. Первая обязанность государства через посредство правительства — охрана личной и имущественной безопасности и чести каждого (в этом «начало и конец общественного бытия») [3, с. 29, 88], посему обязательно надлежит привести классы и сословия в равновесие посредством законов. Однако же к 1803 г. таковых законов нет, а наблюдается, по мнению Сперанского, лишь только два рода рабов: дворяне и крестьяне. «Я бы желал, чтоб кто-нибудь показал различие между зависимостью крестьян от помещиков и дворян от государя... Если монархическое правление должно быть нечто более, нежели призрак свободы, то, конечно, мы не в монархическом правлении, — пишет он и иронизирует: — Действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов». Хуже того, «пользы дворянства состоят в том, чтоб крестьяне были в неограниченной их власти; пользы крестьян состоят в том, чтоб дворянство было в такой же зависимости от престола... пользы дворян основаны на рабстве земледельцев, отсюда следует, что в настоящем порядке вещей не может быть в России соединения пользы народных с пользами дворянства» [3, с. 43—45].

Еще в записке «О коренных законах государства» от 1802 г. М. М. Сперанский утверждает, что в самой сущности своей образ правления государства задается «коренными законами» (кои должны быть «в основаниях их неколебимыми» [3, с. 31]). Другие законы («соображаемые с коренными») изменяемы в соответствии с «политическим бытием». «Свойство и степень необходимости» различных законов рассматривается во «Введении к Уложению».

Источник силы государства, власти и «политического бытия» — его граждане, поэтому в соответствии с принципами равновесия и объективности исторического процесса и рассмотренными выше задачами государственного управления и целесообразности в целом, законодательство должно отражать интересы всех сословий. «Я не знаю, почему бы сей народный акт не должно было назвать всеобщим государственным соглашением и народным участием в составе Уложения», — пишет Сперанский [3, с. 23] и далее повторяет идею «общей воли народа» многократно.

Исторический опыт определил, по мнению Михаила Михайловича, три политические системы [3, с. 154]. Деспотическая (третья по счету) — самовластье, не допускавшее «ни меры, ни границ». Феодальная (вторая), в которой самодержавие ограничивается сложившейся политической практикой. «Первая под разными именованиями и формами имела то отличительное свойство, что власть державная умерялась в ней законом, в составе коего граждане более или менее участвовали». К такой политической системе он относил устройство как монархий (Англия, Швеция...), так и республик (Швейцария, США...). В тексте «Введения к Уложению» такой строй назван республиканским — на мой взгляд, крайне неудачно, поскольку этот эпитет наверняка вызывал ненужное возбуждение в консервативных кругах. Термин «республиканский» не должен вводить в заблуждение — Сперанский не был республиканцем ни в мыслях, ни в практике, это категорично доказуемо.

К сожалению, и С.В. Мироненко пишет без объяснений: «Все развитие политической жизни Европы представляло собой, по словам Сперанского, «переход от феодального правления к республиканскому», и никто не смог противостоять этому неумолимому процессу» [1, с. 29], что может ввести читателя в заблуждение.

Отмечая, что отдельные законы, полезные при одном типе государственного устройства, могут быть вредными при другом, подчеркивая необходимость соблюдения единства государственных законодательства, судопроизводства и управления (при учете местных особенностей), М. М. Сперанский пишет о бесперспективности «частных исправлений». Новое государственное устройство должно быть целостным и согласованным как в законодательстве, так и в исполнении: «единство плана управления» должно быть «соразмерно способам исполнения», при этом «самый лучший образ управления, не имея исполнителей... не произведет никакого полезного действия» [3, с. 112].

«Бытие политическое образуется не словами, а внутренним началом» [3, с. 203], поэтому, как отмечалось еще в записке от 1802 г., не «права и грамоты, на бумаге данные, составляют истинный образ правления» (с. 42). Государственное устройство определяется реальным политическим бытием («внутренним образом правления»), законы, не обеспеченные исполнением, «будут пустые теории» (с. 32), хоть бы государство «не только два Сената, но и столько же законодательных парламентов имело». Острый взгляд, острый ум. Никаких иллюзий.

Существо практических предложений — механизмов и регламентов будущего государственного устройства, разработанных во «Введении к Уложению», кратко изложено в [1, с. 29—35]. Следует обратить внимание на еще одно глубокое предложение М.М. Сперанского: для необходимой консолидации ветвей власти и государственного управления (ранее сосредоточенной в лице императора) учредить высший государственный орган — Государственный совет [3, с. 216—20, 233].

Можно обсуждать достоинства и недостатки этого проекта, степень его последовательности и проч., но глубина и стройность мысли (тем более при известных обстоятельствах) поразительны. Политическая философия Михаила Михайловича совершенно определена: может быть, «на час» государством и управляют мнения, прихоти и честолюбия, но исторический процесс — не только «драма характеров» и личные трагедии. Ход событий в исторической перспективе, по его мнению, определяется объективными законами политического бытия (подобно процессам естественных наук), а не абсолютно субъективной и свободной от всего сверхволей.

Таким образом, на вопрос, существовала ли *принципиальная альтернатива* тому пути, по которому пошло историческое развитие России, можно ответить категорично — *да, существовала*: существовал глубокий и реальный план реформ и человек, который мог возглавить их проведение. Однако как известно, 17 марта 1812 г. М.М. Сперанский был отправлен в отставку и ссылку, а созданные в дальнейшем высшие государственные учреждения, хотя и сохранили названия, данные им Сперанским, функционировали на совсем иных началах в противоречии с планами задуманной в 1809 г. реформы. Их деятельность носила беспорядочный характер [1, с. 40—45], и предпринятые меры оказались теми самыми «частными исправлениями», о бесперспективности и даже возможном вреде которых вне связи с «единым планом управления» предупреждал Михаил Михайлович. Увы, в дальнейшем в администрации Александра I не появилось никого, даже сравнимого со Сперанским по таланту, уму и прагматизму. С опалой М.М. Сперанского Александр Павлович лишился единственного человека, способного подготовить, возглавить и успешно проводить реформы. Отставку М. М. Сперанского следует квалифицировать как настоящее национальное бедствие.

О «крестьянском вопросе»

Аграрную проблему наряду с проблемой государственного устройства и управления следует отнести к числу важнейших проблем Российского государства в XIX в. Первые же указы Александра I: от 12 декабря 1801 г. о разрешении купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретать ненаселенные земли и 20 февраля 1803 г. «О свободных хлебопашцах» (официально именовавшийся «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных») ясно указывали на направление правительственной политики и публично формулировали принцип освобождения крестьян с землей за выкуп (или отработки). Все исследователи, расценивавшие указ как неудачу, приводят статистические данные: за время правления Александра I было освобождено ничтожно малое число крестьян — всего 47 153 человека мужского пола, что составляло менее 0,5% численности крепостных в России.

Сторонники освобождения крестьян находились в явном меньшинстве. Взгляды самого Александра I на положение крестьянства совершен-

но справедливо принято связывать с «идеями, усвоенными в ранней молодости» в контексте либерального воспитания, полученного от Ф.С. Лагарпа. Как доказательно показывает С.В. Мироненко, убеждения Александра Павловича в безнравственности и противоестественности рабского положения крестьянства и его отношение к крепостному праву как к злу, опасному для взаимоотношения сословий и государства в целом, были глубокими и искренними. И получив возможность вернуться после победоносной войны к аграрным проблемам, Александр I проводит в 1816—1819 гг. крестьянскую реформу в Прибалтийских губерниях, в результате которых крестьяне освобождаются от личной зависимости.

В это же время император приступает к подготовке крестьянской реформы в Великороссии. С конца 1817 г. проект освобождения крестьян готовил А.А. Аракчеев [1, с. 101—105]. По невыясненным историками причинам никаких попыток реализовать аракчеевский проект не предпринималось. Та же судьба постигла и разрабатывавшийся по поручению монарха в 1818—19 гг. проект под руководством министра финансов Д.А. Гурьева, который готовился юристом М.А. Балугьянским, тогда ректором Петербургского университета и служащим Государственного совета, и директором Департамента государственных имуществ Министерства финансов Я.А. Дружининым.

Наконец, весной 1820 г. дело, казалось, сдвинулось с мертвой точки. Два богатейших помещика генерал гр. М.С. Воронцов и кн. А.С. Меншиков, тогда флигель-адъютант, решили в противоположность болтунам, «которые говорят беспрестанно... серьезно начать дело освобождения» [1, с. 126]. Увы, безнадежно скомпрометированное В.Н. Каразиным и это дело приняло несчастливый оборот и закончилось неудачей, хотя «будучи поведено иначе, т.е. с осторожностью и без шума, могло принести самые счастливые результаты» [1, с. 134].

События продолжали развиваться крайне неудачно. В связи с жалобой крепостных на помещика Жданова министр юстиции кн. Д.И. Лобанов-Ростовский, ссылаясь на указ Петра I от 1721 г. о нежелательности дробить семьи крестьян при продаже, предложил обсудить этот вопрос в Комиссии составления законов. А 22 января 1820 г. Александр I потребовал «решить дело о воспреещении продажи людей без земли немедленно». Тогда же петербургский генерал-губернатор гр. М.А. Милорадович внес в Государственный совет записку, в которой предлагал запретить продажу крестьян без земли, как и продажу с землей, но поодиночке, а также дворовых с разлучением семей. Проект о непродaje крестьян без земли готовил Н.И. Тургенев.

Основополагающая идея проекта имела мощную властную поддержку. Но вместо достижения вполне реальной цели либерал Тургенев возмечтал достичь всех целей, родившихся в его «прогрессивном разуме», разом и создал такой законопроект, что 29 ноября на заседании Госсовета никто, ни один член Государственного совета, даже Н.С. Мордвинов, не выступил в его поддержку.

Лобанов-Ростовский предложил «отвлекаясь от всякого умствования» только запретить дробление семейств. Государственный контролер бар. Б.Б. Кампенгаузен предложил приостановить покупки людей без земли. Но главное — никакого решения принято не было. Воистину, благими намерениями может быть вымощена дорога в ад.

Зато принял решение император, начав над государственными крестьянами, находившимися в его полной власти, чудовищный эксперимент под названием «военные поселения». Невиданная со времен рабовладельческого строя круглосуточная регламентация поведения поселян, включая личную жизнь, соединенная с жестокостью и произволом, о чем с душевным трепетом говорили даже в царской семье [1, с. 213], приводила к всеобщим возмущениям. Подробности общеизвестны.

При жизни М. М. Сперанского никаких реальных действий по решению «крестьянского вопроса» не предпринималось, но его мнение выражено в сохранившихся бумагах вполне определенно. Реплика Сперанского к «Отрывку о Комиссии Уложения» [3, с. 24]: «Я не говорю... об отношении крестьян к помещикам, т.е. об отношении миллионов, составляющих полезнейшую часть империи, к горсти людей (зачеркнуто: туземцев) захвативших бог знает почему и для чего все права и преимущества» не оставляет сомнений в характере отношения его к крепостному праву и положению крестьян в целом. Утверждая необходимость изменить весь «порядок вещей», он указывает, что ненависть между крестьянами и дворянством, о которой постоянно говорилось в высших органах государственного управления, начиная с откровенного доклада П.А. Строганова на заседании Негласного комитета 18 ноября 1801 г., лежат фундаментальные причины: «...пользы дворян основаны на рабстве земледельцев. Отсюда следует, что в настоящем порядке вещей не может быть в России соединения пользы народных с пользами дворянства» [3, с. 44].

Там же, в записке «О коренных законах государства» (1802 г.) он указывает, что сложившиеся формы хозяйствования и правовое ничтожество крестьян заставляют их искать свое спасение от произвола помещиков только в неограниченной власти престола над дворянством, и совершенно справедливо видит выход в «соединении пользы дворянства с пользами народа» [3, с. 44, 39].

Хотя В.И. Семевский обнаружил среди зачеркнутых и не попавших в окончательный текст частей «Введения к Уложению» целый кусок текста, содержащий проект установления личной свободы крестьян [3, с. 7], Михаил Михайлович считал целесообразным раздельное решение политической и крестьянской проблем (но сомнений в необходимости по возможности скорейшей аграрной реформы у него не было). В письме 2 мая 1818 г. из далекой Пензы А.А. Столыпину в связи с произнесенной императором при открытии сейма в Варшаве 15 марта 1817 г. речью, которая вызвала страшное возбуждение в дворянском обществе, он рассматривает этот воп-

рос в связи с возможными последствиями неловкого обещания императора ввести в России политическую свободу, «не приуготовленную установлениями постепенными и твердыми, без колебания и торопливости», и ужасается, что будет, если утвердится (цит. по [1, с. 160]):

«...общее в черном народе мнение, что правительство не только хочет даровать свободу, но что оно уже ее и даровало и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение. Что за сим следует, вообразить ужасно, но всякому понятно... Но каким образом, спросите вы или, лучше сказать, спросят близорукие наши либералисты, каким образом из двух или трех слов варшавской речи могут произойти столь огромные и с самым смыслом сих слов несообразные последствия?..»

Трудно сказать, каким следовало определить запаздывание, но ясно, что политические реформы должны были предшествовать аграрным и определять порядок их проведения.

В сохранившихся трудах Сперанский рассматривает только политико-правовые проблемы положения крестьянства. Сперанский не был специалистом в области аграрных отношений, и они не входили в круг его служебных обязанностей. Возможно, ему не следовало заниматься еще и этими проблемами. В любом случае, нет сомнений, что он привлек бы специалистов для разработки и обсуждения детального плана аграрной реформы.

Наш современник М.М. Сперанский

Свои взгляды на социально-политические процессы и государственное устройство М.М. Сперанский излагает не концентрированно, в форме философской теории, но рассредоточенно и в разных трудах, поэтому их структуризация и систематизация требует значительных усилий. Но финальный результат — систематизированная социально-политическая философия вдвойне-втрое интересна в сравнении с социально-политическими фантазиями лиц, не принявших ни одного ответственного политического решения, поскольку в отличие от них Сперанский, будучи столь высоко вознесенным по государственной лестнице, отвечал за свои слова и действия полной мерою.

Со всей определенностью можно сказать, он был уверен, что государства и общества развиваются по объективным законам (в противоположность популярным ныне субъектоцентристским басням), хотя и не знал, почему и каковы их основоположения (а кто тогда знал?!). При сем он полагал, что главная движущая мысль эволюции и «политического бытия», и экономики всюду одна и та же — достижение политической свободы [3, с. 155], и предлагал выводить эти законы из прагматики — практической деятельности, а не из мудрствований, иронично замечая, что «мы искали сперва средств к пропитанию», а только потом философствовали [3, с. 20].

Как уже отмечалось, М.М. Сперанский неоднократно утверждал, что ход событий в исторической перспективе определяется объективными законами,

а политическое обновление заложено в самом «времени», т.е. в объективном историческом развитии и «никакое правительство, с духом времени не сообразное против всемогущего его действия устоять не может» [3, с. 153—54]. Весьма интересно, в составленном адмиралом А.С. Шишковым со товарищи журнале заседания Департамента законов Государственного совета за 9 дней до обсуждения неумелого проекта Н.И. Тургенева указывалось: «где правительство твердо и законы святы, там они управляют духом времени, а не дух времени ими». Эти недалекие люди, увы, наделенные огромной властью, искренне полагали (вполне в субъективистском духе), что способны определять ход исторического развития и менять его по собственному желанию.

В 1802 г. Сперанский предвидит: «Итак, открытым ли самовластьем будет правима Россия, или скипетр твой позлатится монархическими призраками, государство в обоих сих случаях не избегнет своего рока. Оно по естественному порядку течения политических переворотов должно неизбежно, в самом основании организации своей, потрястись и разрушиться. Падение огромного колосса не может быть не ужасно. Реки дымящейся крови жертв виновных и невинных, смешавшись вместе, принесут в позднейшие роды память сего происшествия». Столь же ясно видит он пути тирании, прикрытой фиговым листком: «Обуреваемый царедворскими интригами, престол достанется властолюбивым министрам, кои под именем восседающей на нем слабости, дозволят себе в европейском государстве самые азиатские жестокости и самовластие» [3, с. 62—63, 45] — словно побывал в нашей стране в конце XX в.

Считая вслед за Сперанским, что несомненные закономерности исторического развития европейских стран свидетельствуют о наличии объективных законов политического бытия и экономики, мы «объективируем» проблемы, соответственно, и поиск разумного плана преобразований следует рассматривать как объективную задачу прагматики [8, с. 73—75]. Но историческое развитие — не небесная механика, здесь действуют люди, а не законы природы. Развиваясь в соответствии с объективными законами, социум управляется людьми, и исторический путь складывается из действий людей, в этом смысле ничто не делается само собой. При этом какие-либо идеи могут рассматриваться как серьезный прагматический проект только в случае, когда им сопутствует надлежащий «образ исполнения» — конкретный и реальный план реализации и соответствующие исполнители.

Как уже говорилось, М.М. Сперанский прекрасно понимал значимость «образа мыслей» — силу общественного сознания. Крах «власти моральной» (Сперанский), приводит к тому, что любое, даже самое благотворное действие правительства подвергается общественным мнением искажению и осуждению [3, с. 162—63]. (Как знакомо все это!). Прагматическая значимость политической философии и власти моральной, полностью осознанная М.М. Сперанским, отмечалась еще эллинскими философами и историками. Говоря о государственном устройстве Спарты (в связи с за-

конодательством Ликурга), Геродот и Фукидид подчеркивают, что *эвномию* (благородное государственное устройство, благоустройство) характеризуют не только «благие законы», но и добровольное соблюдение их гражданами. Не понимаемые и не принимаемые народом социальные законы, меры по текущему управлению государством и тем более реформы обречены.

Решение практической задачи регламентации социальных отношений и совершенствования государственного управления Сперанский начинает с четкого анализа казалось бы известных, но на самом деле бездумно и некорректно используемых понятий, слагая далее свои планы в многокомпонентную систему. Системность в его подходе проявляется буквально всюду: и в соединении реальных механизмов и движущих сил политического бытия, и в требовании соблюдения единства государственных законодательства, судопроизводства и управления, совместно с указанием бесперспективности «частных исправлений», и в указании на необходимость соразмерности «плана управления» «способам исполнения» с обязательным наличием подходящих исполнителей (без чего «самый лучший образ управления... не произведет никакого полезного действия»).

Как опытный и эффективный администратор он понимает, что политическое бытие «образуется не словами», не на бумаге, но в реальном действии. «У нас все есть по наружности, и ничто, однако же, не имеет существенного основания... — пишет он, — ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России» [3, с. 43]. Чем не современно?

Важнейший также аспект — подготовленность реформ; «ничего не отваживать», а продумать детальный план, настаивает Сперанский, иначе можно только загубить дело. И распределяя ход реформ, указывает, что следует «каждое установление открывать не прежде, как все образование его будет изготовлено» и «переход от настоящих установлений к новым так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать...» [3, с. 233].

Обращает на себя внимание и философский аспект. Как пишет М.М. Сперанский, одни и те же законы могут быть полезны при одном государственном строе и вредны при другом [3, с. 19]. Это не просто одно из конкретных системных положений его социально-политической философии, но и прямое прагматическое приложение неочевидного принципа чистой философии: не существует истин самих по себе — только в рамках теории (концепции).

Он ясно указывает, что законы вправе «подчинять себе только действия публичные» — «законы, коих сила простиралась на внутренние движения людей, были бы законы жестокие (надписано над зачеркнутым «тиранические») и собственному своему установлению противоречащие, ибо законы должны покровительствовать свободе...» [3, с. 81]. Таким образом, ограничения законами личных свобод («ограничение натуральной свободы

человека известными правилами» [3, с. 90]) должны определять лишь *границы дозволенности*, иное ведет к гражданской тирании. Если они соответствуют разумным принципам политического бытия и способствуют равновесию, то тем самым соответствуют интересам и отдельных личностей, и сословий, и общества в целом. Осознание и принятие их и есть свобода — вполне в духе известного философского тезиса, сформулированного позднее Гегелем.

Философской глубиной мысли Сперанский существенно превосходил Н. М. Карамзина, который, возражая против перевода «liberal» как «законносвободный», утверждал: «В старину говорили, что закон со свободою живут как кошка с собакою. Всякий закон (гражданский) есть неволя. Но это глубоко и заведет нас далеко» [1, с. 204]. Так что предполагавшаяся реформа была еще и фундаментальной проблемой философского сознания общества.

Естественный процесс согласования взглядов в тогдашней России принято рассматривать как конфликт либералов и консерваторов, а его этапы — как победу той или иной стороны. Подобный подход неизбежно порождает дихотомии «хороший — плохой», «правый — неправый».

Иначе формулировал проблему Михаил Михайлович: не дилемма либералы — консерваторы, не «кто победит», а прагматический вопрос государственного устройства и управления: «где соответствующее «духу времени» разумное равновесие и каковы конструктивные пути его достижения?» Создание необходимых государственных институтов согласования интересов всех лиц и сословий без «кровопролитных внутренних смятений» [3, с. 42] — вот цель в его понимании, а не победа над консерваторами и достижение невиданных высот либерализма. Это не означает, что антитопы, т.е. лица, сословия или классы, противоположные по своему положению или интересам, вдруг сольются в неведомом историческому процессу блаженстве, или белое станет красным, а красное — белым. Или, что прекраснодушными заклинаниями можно отменить сущностные революции: революция неизбежна, когда эволюционные пути развития исчерпаны — речь идет о социально-политических *формах*, определяемых стратегиями, государственными институтами и устремлениями. Собственно, реформа «по Сперанскому» была революцией по содержанию.

Все обладавшие реальной политической властью и влиянием российские политики XIX в., вне зависимости от политических взглядов считали важнейшей задачей проведение реформ, не нарушая безопасности и спокойствия в стране. Альтернатива ясна: нарушение равновесия и потрясения с громадными жертвами, неопределенными последствиями и поисками нового равновесия впотьмах. Известный нам исторический опыт показывает, любая социальная революция все равно приводит к какому-то новому равновесию, но вслепую. «Права гражданские, то есть безопасность лица и имущества, суть первое и неотъемлемое достояние всякого

человека...» [3, с. 179] — социальные революции, когда жизнь и имущество человека ничем не обеспечены, несовместимы с этим принципом.

Стремление к равновесию и поиск реальных путей его достижения — это цель, а не компромисс — отдаление от цели. Это — принципиальный вопрос.

По политическим соображениям труды М. М. Сперанского долгое время не разрешалось публиковать. Но и после публикации по тем же, политическим, причинам, изложение и оценки его мыслей политологами были далеки от объективности. Более того, проект Сперанского еще долго оставался непонятым как в своих принципах, так и в реализации, встречая возражения и либералов, и консерваторов. Так, например, не по уму оказался он и биографу Михаила Михайловича бар. М.А. Корфу, который позволил себе отозваться о нем как об «утопическом плане» и «начинании, не достигшем полной зрелости и самим им [Александром I] впоследствии покинутым» [3, с. 4] (коль барон считает позволительным подобным образом отзываться о конституционном проекте Сперанского, то и нам позволительно давать оценку уму М.А. Корфа). С другой стороны, либерал Н.И. Тургенев самоуверенно утверждал, что у Сперанского «нет ничего, что могло бы заинтересовать массы», поскольку он обошел в своем сочинении вопрос о крепостном праве [3, с. 7].

Итак, не суетумудриями златоустов определял М.М. Сперанский цели и законы политического бытия. И исторический путь России видел в безопасности и гражданском согласии, а не революции и диктатуре, в равновесии, а не равенстве, а также не в великих потрясениях государства или воздуха или победах в битвах идеологий. Современные либералы, лжеконсерваторы и коммунисты прельщают нас совсем иными целями, а согласно замечательному французскому социологу и математику акад. А. де Кондорсе, «все ошибки в управлении и обществе берут начало от философских ошибок» (Доклад «Проект декрета об организации общественного образования», зачитанный в Конвенте в 1791 г.).

Литература

1. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989.
2. *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII—XIX веков. М.: Наука, 2003.
3. *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.-Л.: Изд. АН СССР. 1961.
4. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. 5. М., 1989.
5. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 1. СПб., 1904.
6. *Середонин С.М.* Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.
7. *Бисмарк О. фон.* Воспоминания; мемуары. В 2 т. М.: Минск: Харвест, АСТ, 2001.
8. *Жолков С.Ю.* О законах социума и истории // Alma-mater. — Вестник высшей школы. 2010, № 3.